

И. В. Петров

Репрессии против РСХД в Эстонии в 1940–1941 годах

В статье рассказывается о репрессиях советской власти против православных деятелей Русского студенческого христианского движения в Эстонии в 1940–1941 гг. на примере конкретных судеб трех участников Движения. Основными материалами для исследования послужили архивные дела, хранящиеся в Эстонском государственном архиве. Работа представляет собой продолжение публикации документальных материалов и статей¹ о судьбах деятелей РСХД в странах Балтии в XX столетии, которые вновь открывают дискуссию о механизме советских репрессий против верующих.

ключевые слова: советские репрессии, РСХД, Эстония, православная церковь.

Репрессии против православного духовенства и активных мирян стран Балтии в 1940-м — первой половине 1941-го года были составной частью общего процесса «советизации» балтийских республик новыми большевистскими властями и поэтому носили по-настоящему систематический характер. В то же время в каждой отдельной стране борьба с православными пастырями и мирянами имела не только общие, но и некоторые специфические черты. Так, в Литве она была направлена в первую очередь против военного духовенства и священнослужителей, воевавших с красными в российской гражданской войне и в освободительной войне. В Эстонии одними из первых арестовали представителей Русского студенческого христианского движения (РСХД), деятельности которого в межвоенной Эстонии не чинили таких серьезных препятствий, как в Латвии. Мы не будем подробно рассказывать об общей линии репрессивной политики советских властей в Балтии в 1940–1941 гг., поскольку анализировали данный процесс в отдельной статье [Петров]. Тема настоящего исследования — уголовное преследование видных религиозных и общественных

1. См.: [Дело РСХД, Иванен].

деятелей межвоенной Эстонии — Ивана Аркадьевича Лаговского и супругов Татьяны Евгеньевны Дезен и Николая Николаевича Пенькина, которое принято именовать «делом РСХД».

Эту тему уже изучали российские и эстонские историки, материалы допросов Ивана Аркадьевича Лаговского были опубликованы в специальной литературе. Так, в 1995 г. общественный деятель Эстонии, профессор славянской филологии Тартуского университета Сергей Геннадьевич Исаков издал в «Вестнике Русского Христианского Движения» первую часть протоколов допроса с комментарием вдовы И. А. Лаговского Тамары Павловны Милютиной [*Дело*]. Основной упор при отборе материалов допросов для публикации делался на истории РСХД в предвоенный период, в особенности на характеристике Иваном Аркадьевичем сущности Движения и разъяснении собственной роли в его жизни. Свое место в этих показаниях занимает характеристика политической позиции РСХД в целом и в Эстонии в частности.

Позже этот процесс на страницах «Вестника РХД» продолжился, особенно после того как Московский патриархат отказался от канонизации И. А. Лаговского, Т. Е. Дезен и Н. Н. Пенькина. Очень проникновенно написал об этом печальном событии Н. А. Струве [*Струве, 3–5*]. Отдельно следует отметить статью нарвского историка А. В. Иванена, продолжившего публикацию отрывков из следственного дела трех активных эстонских деятелей РСХД [*Иванен*].

При рассмотрении эстонского «дела РСХД» для нас представляется наиболее важным выявление технологии советских репрессий против Движения, для чего анализируются материалы допросов И. А. Лаговского, Т. Е. Дезен и Н. Н. Пенькина, хранящиеся в Эстонском государственном архиве в Таллинне (ЕРАФ).

Прежде всего нужно рассказать немного о жизни осужденных (в том числе опираясь на материалы из главного эстонского архивного хранилища). И. А. Лаговской попал на территорию Эстонии в 1933 г., пройдя тернистый путь русского эмигранта: Корсика — Прага — Париж. Как видно из «специальных» подчеркиваний в деле, следователей сугубо заинтересовала служба Ивана Аркадьевича матросом на корабле «Рион», на котором он попал из «белого» Севастополя в Константинополь, а затем уже на Корсику. Факт добровольного пребывания в «стане белых» Лаговской признал сам (для советских следователей подобное признание было одним из ключевых моментов показаний) с оговоркой, что не принимал участия в боевых действиях против

Красной армии. Работа чернорабочим на Корсике, как и учеба в Пражском педагогическом институте не стали для следователей узловыми моментами в биографии Лаговского, в то время как его деятельность в качестве ассистента на кафедре психологии и педагогики в Парижском богословском институте, в равной степени как и журналистское поприще, освоенное допрашиваемым во «французский» период его жизни, вновь оживили их интерес. В «условном» разделе о родственниках осужденного, следователя больше всего насторожило то, что его отец был священником.

Похожие моменты биографии привлекли особое внимание следователей и при допросе Татьяны Евгеньевны Дезен. Она также честно призналась, что как оптант [ЕРАФ, 26] вместе со своим отцом Евгением Робертовичем Дезеном переехала из России в Эстонию. Пристальный интерес следователя вызвал факт пребывания Т. Е. Дезен на территории Швеции в период летних каникул 1928, 1929 и 1930 гг., а также ее работа в мастерской дамских нарядов во французской столице. Татьяна Евгеньевна также сообщила, что училась в богословской английской школе, а в 1939 г. приняла участие во Всемирном христианском съезде молодежи в Голландии. Достаточно примечательно, с нашей точки зрения, что на допросе Т. Е. Дезен сама отметила факт своего пребывания проездом на территории Германии и Финляндии, что явилось дополнительным поводом обвинения для тех, кто желал как можно сильнее «раскрутить» так называемое «дело РСХД».

С Николаем Николаевичем Пенькиным ситуация была несколько иной: он родился и постоянно проживал на территории Эстонии и за ее пределы выезжал редко. Не обнаружилось у него и «буржуазных», согласно советской терминологии, фактов биографии: Ревельский техникум не закончил из-за своей малообеспеченности, педагогом стал после окончания Ревельского педагогического института в 1932 г., потом вплоть до ареста работал учителем в Печорском крае. Помимо участия Н. Н. Пенькина в РСХД, внимание следователей могло привлечь, пожалуй, только его членство в правлении Печорского общества просветителей.

Советских следователей заинтересовало время вступления арестованных в ряды Русского студенческого христианского движения, причины подобного шага и степень их вовлеченности в работу в нем.

Николай Николаевич рассказал о съезде РСХД в 1932 или 1933 г. в Париже и о другом съезде в 1938 г. на территории Чехо-

словакии, на который были приглашены в том числе и члены Движения. Он назвал «движенцев», принимавших участие в данных мероприятиях. В то же время Пенькин подчеркнул, что съезды носили чисто религиозный и ни в коей мере не антисоветский характер.

Татьяна Евгеньевна открыто признала факт своего участия в Русском студенческом христианском движении с самого момента его основания в 1925 г. Небезынтересно, что в постановлении на ее обыск и арест указывалось, что на протяжении многих лет Дезен являлась руководителем организации РСХД и в прошлом была связана с деятелями Движения из других европейских стран (в особенности отмечалось, что она имела личные контакты с немецким пастором Штейвандом, который оказывал РСХД материальную помощь). Для сравнения: ее супруг Н. Н. Пенькин обвинялся в антикоммунистической деятельности и враждебности по отношению к Советскому Союзу. Т. Е. Дезен признала факт личного руководства РСХД в Печорах.

Важно, что все обвиняемые, проходящие по «делу РСХД», на допросах не раз старались отделить деятелей эстонского РСХД, которых они действительно иногда называли по имени, от центра Движения во Франции. Нельзя сказать, чтобы они пытались оговорить своих соратников и братьев и сестер во Христе, элементов очернения в материалах допросов не видно. Но невозможно не учитывать и того, что практически все осужденные в Балтии священнослужители и активные миряне, в том числе и члены РСХД, не были в полной мере знакомы с советской репрессивной машиной. Они часто не понимали, что доказательство чисто религиозной направленности РСХД и отделение его от резко антисоветских политических и военных организаций отнюдь не подразумевало для следователей смягчения приговоров в отношении арестованных.

Особое место в ходе допросов заняла тема деятельности РСХД на территории Советского Союза в 1920–1930-е гг. Все арестованные утверждали, что постоянных связей между советскими гражданами и деятелями Движения не было, если же какие-то контакты были, то они носили случайный и временный характер. Допрашиваемые отдельно отмечали, что если такие контакты и возникали, то их целью было лишь распространение религиозной литературы (такая работа даже признавалась бесполезной). Более того, И. А. Лаговской, как гласят материалы дела, даже резко отрицательно высказывался по поводу заявлений известней-

шего русского мыслителя-эмигранта И. А. Ильина о сопротивлении большевизму.

Несложно догадаться, что советские каратели хотели добиться от арестованных не только признания в личном участии в антисоветской пропаганде (пусть даже и христианской по своей сути), но и свидетельства о резко антибольшевистском характере всего РСХД. Не ведая о том, как большевистские следователи могут уцепиться за каждое сказанное слово, арестованные вольно или невольно давали почву для последующих обвинений. Так, на вопрос о сущности РСХД Татьяна Евгеньевна отвечала, что задачей Движения являлось «воспитание молодежи в христианском духе, выработка религиозного мировоззрения, а на этой основе последнее последовательно вело борьбу с современным материализмом и атеизмом» [ERAF, 2]. Ухватившись за это, следователь тут же сделал вывод о том, что РСХД являлось антикоммунистической организацией, на что Т. Е. Дезен сказала:

РСХД не ставило задачей непосредственно борьбу с коммунизмом, но поскольку оно вело работу по выработке религиозного мировоззрения, оно неизбежно становилось на путь борьбы с коммунизмом, как учением материалистическим и безбожным, но не как государственной системой [ERAF, 89].

Николай Николаевич Пенькин объявил основной задачей РСХД «привлечение молодежи к церкви», а также выработку учения, направленного на борьбу с идеологией атеизма и материализма, т. е. с коммунизмом [ERAF, 165 об.].

Следующей «ниточкой», за которую решили потянуть карательные органы, были имеющиеся у них сведения о международных связях РСХД, в особенности в Европе. Они хотели доказать не только то, что центр Русского студенческого христианского движения находился вне Балтии, но и что его финансирование и поддержка происходили при участии других организаций русских эмигрантов и, более того, иностранных государств и их правительств. Именно поэтому важное место в протоколах допросов занимает выяснение особенностей участия балтийских членов РСХД в съездах Движения за пределами Эстонии, контактов со светскими и религиозными деятелями из других стран. Мы не будем исследовать все контакты Русского студенческого христианского движения с иностранными организациями, заинтересовавшие советские компетентные органы, остановимся лишь на нескольких.

В первую очередь рассмотрим вопрос о связи РСХД с обществом «Балтийская помощь России» и его главой пастором Штейвандом (подозрение в связи с которым стало одной из формальных причин для ареста Т. Е. Дезен). Так, на допросе, проходившем в канун нового 1941 г., Николай Николаевич Пенькин ответил следователю, что пастор действительно оказывал Движению денежную помощь на устройство съездов Крестьянской молодежи и детских съездов. Следователь тут же сделал вывод о том, что, поддерживая РСХД деньгами, пастор Штейванд открыто финансировал его антисоветскую деятельность. В протоколе было особо отмечено, что «Балтийская помощь России» отправляла посылки в Советский Союз для семей пастырей и верующих, значит, подытоживали каратели, посылала «антисоветскую литературу» в СССР и РСХД.

Следователям очень хотелось обвинить деятелей эстонского РСХД в связях с Русским общевоинским союзом (РОВС). Татьяна Евгеньевна четко отвечала, что в Эстонии РСХД не имело никаких контактов с РОВС, хотя некоторые отдельные члены Движения могли быть как-то связаны с этой организацией. Следователь убедился, что подобных каналов сотрудничества с РОВСом не было, и стал расспрашивать об участии в РСХД председателя данной организации генерала Евгения Карловича Миллера, мотивируя это тем, что его статьи печатались в «Вестнике РСХД». Т. Е. Дезен отвечала, что если эти статьи и были, то она их не помнит.

Следственные органы попробовали связать с РСХД организации «Витязей» и «Дружинников», характеризуя их как «военизированные». На это Николай Николаевич Пенькин отвечал, что воспитательная работа, в том числе религиозная, среди их членов действительно проводилась, в то же время они не были организациями для подготовки военных кадров. В свою очередь Татьяна Евгеньевна Дезен пыталась доказать, что большинство членов РСХД боролось со своего рода «военизацией» «Витезей», в частности, руководитель кружка «Витязей» в городе Нарва Корнеев, что в конечном итоге привело к его устранению от руководства.

На допросе 27 января 1941 г. следователь опять вернулся к вопросу о террористическом характере РСХД, вновь воспроизводя тезис о том, что Движение готовилось к вооруженной борьбе с властями Советского Союза. Для подтверждения обвинения младший лейтенант госбезопасности следователь УНКВД ЛО Мусатов (отметим, что именно на его совести лежит «дело РСХД») привел собственную трактовку слов прот. Сергея Булгакова

на съезде Движения в 1935 г. о сущности применения террора против советских властей, исходя из которой утверждал, будто РСХД признавало террор [ERAF, 118–120]. В ответ Татьяна Евгеньевна вновь заявила, что Движение принципиально отвергает террор, хотя и с оговоркой, что некоторые члены Русского студенческого христианского движения могли решать эту проблему для себя сами, исходя из личного отношения к этому вопросу.

Советские следователи получили признание арестованных в сотрудничестве с американской Молодежной христианской ассоциацией (YMCA). Их неподдельный интерес вызвало то, что она предоставляла РСХД некоторые средства, с помощью которых печатались отдельные материалы, в том числе и «противоматериалистического характера». Когда речь заходила о государственных режимах антихристианского характера, И. А. Лаговской заявлял о моральном и духовном противостоянии не только коммунизму, но и итальянскому фашизму и германскому национал-социализму.

Вопрос о своем личном «вкладе» в антисоветскую деятельность каждый из арестованных определял по-своему. Так, Иван Аркадьевич рассказал, что печатал статьи, в которых обнажал положение дел с православной церковью на территории СССР, разрабатывал специальные педагогические программы, связанные с идеей религиозного воспитания в противовес безрелигиозному коммунистическому воспитанию (отдельно арестованный отметил, что РСХД в Эстонии действовало в среде крестьянской молодежи).

Н. Н. Пенькин поведал следователю о пропаганде среди рабочей молодежи и деятельности РСХД в этой сложной и противоречивой среде; о съезде рабочей молодежи в Нарве и ее собрании в предместье эстонской столицы — Каппеле. Главной целью подобных мероприятий, по его мнению, было развитие именно антиатеистической пропаганды.

То и дело в протоколах допроса всплывает новая организация русской эмиграции — Национально-трудовой союз нового поколения (НТНСП), обвинения в сотрудничестве с которой старались приписать арестованным «движенцам» советские следователи, но в итоге не добились от них признательных показаний.

Достаточно часто их пытались обвинить как в том, что РСХД не приемлет большевистскую систему из-за ее материалистической идеологии, так и в том, что подлинной целью Русского студенческого христианского движения было стремление к свержению господствующего в Советском Союзе государственного строя, в том

числе путем террора и насилия в тесном сотрудничестве с военизированными организациями русского рассеяния.

Важно, что некоторые казалось бы ключевые моменты жизни православных Балтии практически не нашли своего отражения в протоколах допросов обвиняемых по «делу РСХД». В частности, отношения Движения с руководством Эстонской апостольской православной церкви и лично митрополитом Александром (Паулусом). Советских следователей гораздо больше интересовали взаимоотношения между РСХД и главным защитником русских православных верующих в Эстонии владыкой Печерским Иоанном (Булиным). Часть протоколов его допросов также есть в материалах «дела РСХД», в особенности интересны те фрагменты, где он описывает съезд Русского христианского студенческого движения в Печерском монастыре в 1928 г. и дает свою собственную характеристику деятельности и сущности Движения [ERAF, 337].

Во всех трех томах так называемого «дела РСХД» имеются материалы допросов общественных и политических деятелей Эстонии, которые, так или иначе, имели отношение к Движению. Чтобы не выходить за рамки нашего небольшого исследования, мы не будем заниматься анализом этих показаний, скажем лишь, что они были очень разными: от честного описания деятельности РСХД до явно критического и порочащего Движение и его членов мнения.

Следствие против представителей Русского студенческого христианского движения в Эстонии закончилось трагично. Всех троих: Ивана Аркадьевича Лаговского, Татьяну Евгеньевну Дезен и Николая Николаевича Пенькина обвинили в участии в «белоэмигрантской антисоветской организации РСХД, стоявшей на позициях вооруженной борьбы с Советским Союзом и террора против руководителей ВКП(б) и Советского правительства», в том, что они «проводили активную антисоветскую деятельность, направленную на свержение существующего в СССР государственного строя», и приговорили к высшей мере наказания в апреле 1941 г. [ERAF, 337].

Подводя итог, прежде всего, следует отметить четкость и непримиримость позиции этих членов Движения, во время допросов не оговоривших своих соратников (все формулировки об «их нестойкости», в том числе исходящие из уст нынешних церковных деятелей, вызывают, по меньшей мере, удивление). «Дело РСХД» наглядно обнажает технологию фальсификации

следственных дел против верующих в балтийских государствах в период 1940–1941 гг., главной отличительной чертой которой была попытка «включить» религиозную деятельность в «политическую борьбу с большевизмом». Наиболее трагично нынешнее непризнание православных заслуг эстонских членов РСХД — этих невероятно смелых и достойных людей. Хочется верить, что со временем их деятельность получит правдивую и непредвзятую оценку как церковных деятелей, так и государственных властей России.

Источники и литература

1. *Дело РСХД = Дело РСХД в Эстонии : Показания И. А. Лаговского / Пре-дисл. Т. Милютиной // Вестник РХД. 1995. № 171. С. 189–247.*
2. *Иванен = Иванен А. В. Материалы к житиям : Следствие по делу Т. Е. Дезен и Н. Н. Пенькина // Вестник РХД. 2013. № 201. С. 11–39.*
3. *Петров = Петров И. В. Репрессии против балтийского православного духовенства в 1940 — начале 1941 года // Общество. Среда. Развитие. 2013. № 4 (29). С. 57–61.*
4. *Струве = Струве Н. А. Отказ Московской Патриархии в канонизации святых мучеников Ивана Лаговского, Николая Пенькина и Татьяны Дезен // Вестник РХД. 2013. № 201. С. 3–5.*
5. *ERAF = ERAF. 130 SM. T. 2. D. 1311666.*

I. V. Petrov

Repressions of the Russian Student Christian Movement in Estonia in 1940–1941

The Soviet repressions against Orthodox members of the Russian Student Christian Movement in Estonia in 1940–1941 are the subject of the article. The main phases of the repressions against the clergy and laity are illustrated by the actual life stories of three Movement members. The main body of research is based on files from the Estonian State Archive. The article is published as part of the series of articles and documentaries that tell the life stories of RSCM members in the XX century Baltic States. The series reopens the debate on the mechanism of Soviet repressions against Orthodox believers.

KEYWORDS: Soviet repressions, RSCM, Estonia, Orthodox Church.